

Жерновая Вера Яковлевна, 1928 г.р. В Крыму, в Раздольненском р-не с 60-х гг. XX века.

Место рождения. – Винницкая обл., с. Зятковцы.

Интервью взято 7.08.2006 гг. Раздольное АРКрым

Собиратели: Величко Т.В., Подольский А.Е.

Информант: Расстреляли, и он горел там... А потом наши как дали, немцы опять назад и то-то две или три танки в йих городи. И что, находили вот это, приезжали несколько лет назад, вот эти мины, все вот это...

Собиратели: Это вы куда приезжали, к себе?

И: Ну от после того, когда наши...

С: Это вы к себе рассказываете про танк или у вашего мужа?

И: Нет, это уже деда.

С: А деда вашего как зовут?

И: Феодосий Николаевич, Жерновой

С: Он родом откуда?

И: Из Хмельницкой области, Волочинский район, раньше был, сейчас как же, а сейчас Волочинский вже лет, лет, лет... 35, около 40. Село Зэлэнци... Йих вже немцы в Германию, а мать покойная з бабушкой и с теткой Алитой, так взяли платочек повязали и всех, когда тревога, то воны булы у подвали. И воны забигали и його 27-й–28-й–26-й забрали...

С: Год рождения?

И: Да, в Германию. 26-й уже, 26-й и 27-й, вже попадали они так в армию ребята... соседи, вот так.

С: Вера Яковлевна, а расскажите нам, вы вообще какого года сами, рождения?

И: Рождения... 28-го, 17 декабря.

С: И когда началась война, вам сколько было?

И: Когда война началась? Считайте. Я разве помню.

С: 13 лет.

И: Я еще с мамкой, мачехой ходила, ще маленька была, по сто километров церква была. Ще не разрушили.

С: Во время войны?

И: Да, да, начало, начало, 41-й год как. То мы ж то через лес собирались к бабушке, и я за мачехой отак ще за юбку схопыла, в мене ножки болять, а все же идуть, и маленькие, и на руках, и в лесу ночували, спали, шоб до церкви дойти, паски святили. И так, большой праздник, потом оттуда, опять передышка, спим, у лесу. Меня чуть гадюка не укусила, подлочно. Ой, боже мой, думаю, что холодное, а оно так сплю, спугалася, а вона так у кольцо, скрутилося... Проснулася, боже мой, как заорала. И все пососкакивали, старухи и дети. А это, оказывается, ядовита, в лесу даже у нас сейчас гадюк полно, вот это ящериц таких длинные.

(...)

С: Сколько километров от села вашего Зятковцы. А, то я знаю, Зятковцы Гасинского района, Винницкой области. А то, что вы говорили, ... как евреев били, то вы видели сами?

И: А евреев, даже я видела как это у нас у селе и сусуди был жид Йоська, был в магазине, бо мы брали это, яичко, и пойдём до ему, и он нам конфет, вот эти подушечки.

С: Угощал.

И: Он дасть нам вот это вот у кулечок, мы яичко дадим, а он нам и Зися, и Зося, тоже было, это жила, эта Зися, была сестра родна, которую у магазине да, работала.

С: И до войны вы их видели, знали?

И: Да, да, да, да. А у войну уже как началось, война, то йих уже собрали у подводы, на подводы детей, евреев садили и вот это, где Бабский яр.

С: Там, в Зятковцах?

И: Да, да, да, там. Там, не далеко. И туда ездили и всех свозили, и колонна у нас центральная, у нас же Зятковцы 5 километров от станции до, да, да, до фронта. Там немцы колоннами ишли, вот это же ишли евреи, потом немцы, так у меня папка родной, как раз поехал у Гальсин, чо-то вызвали у него, я не помню, чо, ну што-то йих потом через дня два, они вже собралися, и тоже в лесу была музыка духовая, уже провожали усе усе, женщины, дети, уже... все одели. Так и шо, и папка выйшов, и как раз колонна, колонну вели и папку тоже забрали, то хорошо, что там был вот это шусманы наши, шо папку знают, он говорит, не евреи, он чисто украинцы, говорыть, украинцы.

С: И его как еврея взяли бы?

И: Да, да, да.

С: А почему?

С: Похож был на еврея.

И: Я похожа на отца. Как молодой папка. Я копия на отца похожа...

С: Так кто его спас? Вот эти шусманы?

И: Вот этот же ж эти... председатель сельсовета был.

С: То есть шусман был до войны...

С: Это не фамилия, шусманы, эти помощники немцев, шусманы назывались они.

И: Вот эти шусманы назывались... А там уже так называли шо шушманы и эсовцы, вото говорыть, и пошли в эту немецку шкуру.

С: И что, председатель сельсовета?

С: То есть до войны вы его знали этого шусмана, кем он был до войны?

И: А он был председатель сельсовета.

С: В Затковцах.

И: Председатель сельсовета фамилии щас...

С: Может, как-то его называли, не помните?

И: Знаю, что была у його Маруся дочка и два сына, то його расстреляли и дом сожгли, и всю родню его, брата, две сестры, как раз на выгоне, как до станции идти там, коров, все сгоняли и на пастбище уже гнали у лес, вот. Иду, митинг все время, как первого мая, у лесу была, выездная вот это с духовой, и буфеты и все и музыка духовая, и там на этом о-о-о! Поляна кругом отак, построили дом, а это было праздник, то мы уже когда после этого, то выгнали коров пасть уже... может полседьмого, может, в семь, и його сожгли, ночью расстреляли партизаны, всю семью расстреляли и подожгли дом, то горел дом его, горел его брата и его родни, всю зничтожили.

С: Это партизаны?

И: Партизаны

С: Шла война?

И: Уже началась война, да.

С: За что его так? За то, что он был...

И: Ну он же продавал усех, и за список брал и роздавал вот этом, ну как, кумендатуру вот этого, главного немца. А вот же ж татары, какой ковьер извьязали коменданта вот крымского, он Петренко должна Надя знать, потому шо ее и родители старые, наверное, матери нету, по-моему. Так тут же татары сплели, комендант був немецкий Крыма, и воны связали вот этот ковер дуже длинный, метров наверно 30 и дали белого коня, выйшов, и белого коня, он был в усем золоти везде, все.

С: Это тут вам кто-то рассказывал про это, да?

И: Нет, усе усе наши, хто родился здесь да...

С: И что они рассказывали?

И: Раньше была тетя Шешениха Варя, вона все знала, у немцев была вона поваром, теперь баба Зубчиха прачкою была, Рыбальчиха была этой, м-м-м, так, Зубчиха прачкою была, Шешеня поваром была, эта была Рыбальчиха ишо знали невестку ее хорошо, Рыбальчиха Таня.

С: Ее уже нет, этой Тани?

И: Воны поумирили.

С: Все, кого вы назвали, или кто-то жив?

И: А свекровь умерла, а Танька еще жива, ее невестка, она тоже все знае, бо баба Рыбальчиха, ну я тебе скажу, сколько, доча, жена лет 10 как не больше, а вона же за Ленькою ее замужем Таня была, с сыном, ее сын умер, рак легкого было. Потом она за другого вышла, потом за третьего, щас она сама, два сына, больши таки хороши, один в Симферополе живет, женился, и один еще неженатый, работает в универмаге там, это, грузчиком. От, до ее еще обратитесь.

С: А сколько ей сейчас лет примерно, Татьяне этой, невестке?

И: Ну уже лет 60.

С: Как ее найти, не подскажете?

И: А я покажу, выйду покажу. И сразу подойдете до Ларискин Павлик, дуже много знаит. Ну, она же умерла позавчера, да, ее муж, он в Германии был, его кажен год, доча, он карточку пересылает, он ездил вот недавно шо был в это Гармании, и привез вот таких два тюка одежи, вроде еще шо-то там... она одета во все и дочка, тоже.

С: А вот скажите. Мы вас-таки перебили. Так что рассказывают о татарах? Что за ковер они сплели? Расскажите нам эту историю.

И: Ну он приказал эта, татар приказал главный, главному этому же ж команданту немецкому, дайте, говорит, нам разрешение, мы, говорить, тут хто русские, украинцы например, мы за одну ночь, говорит, перерезаемо, да. А комендант не согласился, не коня не взял этого, ни ковер не принял, ничего, нет, и через этого 14-го было мая, по-моему, 14-го мая, йих траурный день, татаров, тут митинг кажен год же ж, вот. И когда он сказал, а потом дошло до Сталина, а Сталин у пятьдесят каком же году, втором или третьем, вот не помню, он йих за час, дал команду, шо схватили, детей на руки, и подаходили машины крыти большенные и це, и на Магадан йих всех туда поотправлялы, Сталин приказав...

...

С: Так вот давайте к зятковцам вернемся. Вот, вы видели, как вели людей в колонии?

И: Боже мой, дед видел и я.

С: Нет, вы свое расскажите.

И: Я свое, я вже не помню, доча.

С: Это в какое время суток было? Вот вы видели. Не помните, время года, как что было, холодно было, тепло?

И: Тепло было, тепло было. Там же не одна колонна. Не один раз оны собирали йих, из Хмельниччины везде на Винницу вот там, а потом же ж через Гальсин, и через Зятковцы проходили в этот яр.

С: То есть через ваше место проходили...

И: Да, да, да! Мы еще выбегали, еще смотрели, боже мой, я ж еще маленька, вижу, маленьки дети и за тыми подводами отыйи мужики, женщины в колоннах, идут, а немцы вот так, и эти, ружья.

С: Ружья держат?

И: Да, да, да, я посмотрю на маленьких, плачу, а у меня Манька, сестра двоюродная, и Татьяна, Люся покойная и много-много девчат, мы даже брали хлебушка, да, брали хлебушка, яблущка, помыдорки и йим кыдали, а нас чуть не застрелили.

С: Из-за этого? Расскажите.

И: Ну нельзя же было давать.

С: А как это было, эта история, что чуть не застрелили?

И: Ну как, мы же ж давали, а я дурочка подбежала та в руки, то кыдай же ж так, вони то кыдали, ну вот, колонны идут, колонны, вся, весь состав, йих по десять человек, под ручки вот так.

С: То есть они держатся за руки.

И: Да, да, и по десять человек, вот так, вот так, и колонна идет. Вот дед же ж тоже, это же через нашу Винницу, через Гальсин, через Зятковцы, и пошло аж у Ярский, вот этот, где йих розстрэлювали. И воны йих покуда сводили, а потом воны копали для себя вот эта арык, так и Бабский яр прозвали.

С: Прозвали «Бабский яр». А как объясняли, почему такое название?

И: Не знаю, доча. Это я не помню, дите, не помню.

С: То есть «бабский», бабы тут при чем?

И: Так назвали, «Бабский яр».

С: А вы не кинули, дали в руки кому-то?

И: Ну да, а я подбежала и узяло там помню мачуха дала помыдорки там, хлебушок, еще что, яичка несколько штучок, угурчыки, я подбежала, и маленький на руках, я быстренько, он на меня это, а-а-а, по-немецки как загарчал и на меня, я прыг и между девчат отскочила, ну впала, лежу вже спугалась, а воны пошли, и так это я... страшно было, как войну... а этих солдатиков сколько, боже мой! Некоторые вот зароем, лопатки возьмем, нет вперед када только прыйшло, а коров пасти лопаток же нету в нас, а мы быстренько листья нагорнем кучу и на каждого солдата якого убывалы, а потом бегом два километра домой за лопатами и закидали. Некоторые сымали шинели сымали сапогы уже пожылые люди женщины там, ребьята какие по лет 16-17 вот. Зарывалы дуже много войну пройшла не дай бог! И голод и холод...

С: И всю войну вы в Зятковцах, да?

И: 47-й, милый, 46-й голод такой был, я же даже помню 33 год, я даже помню, в окошко стану на кровать и смотрю, а... забывалы в папки, и лошади, и коров забывалы, это, коров, даже у войну перед войной, а потом, как война кончилась, то нам дали корову, вернули, а лошадей нет, лошадей нет, брычки, вот это нет, только корову и двое свиной, дали, мачухи, папке нет.

С: Вера Яковлевна, а вы не помните, у вас подружки были, еврейки девочки?

И: Еврейки, нет, не было, по-оседски там была Зися, это же ж Йоська, сестра, была, маленька, девочка, я гуляла с ней, така хорошенька. Маленька, я гуляла.

С: А она была младше вас? Меньше вас была?

И: Ну маленька, я на руках ее, конечно, я вже ж подросток была, вже ж коров пасла с пяти лет мне было, мачуха йойнова.

С: Так это вы нянчили, вас послали или как?

И: Кого?

С: Ребенка нянчили.

И: Неэээт! Да по-соседски вот жили через дорогу.

С: Так, и что?

И: Вона же выйдет, и воно вже ножками так начинает.

С: А вам хотелось с ней погулять?

И: А я пойду возьму ее на руки. А так, чтобы больших, не було у нас, не було. Так и жили евреи, дуже много, по всьому селу, наверно около, може, 50, а може, вот у деда много було у селе, в Зеленцах и в Попивци, и в этому, Волочиське, и, что, що, как же воно после войны став, а было, у меня там у паспорте... щас то Волочиське.

С: А что с этой девочкой было, которую вы нянчили, вы не помните?

И: Ну когда ж забывалы евреев, чистили, еврейив, всех, ну забывалы у колону, вывозили и вбывали. И все, и та девочка с мамкой, забрали и мужа ее, Зис...

С: А тот Йоська, это кто, он был папа, кем он был?

И: Этой, девочки отец. Нигде не работал, вона не работала, а вот ее брат работал, у лавке, раньше шо ж було, пять копеек дашь – конфет целый узелок. Так что я, помьятаю, ой, не дай бог, усе. Всех забрали на подводу, боже мой.

С: А то место, Бабский яр, оно от Зятковцев далеко?

И: Не знаю.

С: Вам просто говорили, что в то место везут?

И: Слышала, что Бабский яр, дед знает.

(...)

И: Она ж бедная, все тут. Уже полтора года осталось, когда мамка умерла, да, и взяла ее ... чужа женщина и воспитала до девяти лет. Она умерла и девять лет ее не было полностью, она пошла дояркой, вот митинг был, когда хоронили ее и все-все-все в ее... Она же всем бедным, она же весь Крым объездила, потому что автобусы, все, это, ее направляли, шоб она получала... и все, вот она бы рассказала.

С: А вы может знаете, вот тут люди рассказывали вам о них, а здесь вот тоже расстреливали людей?

С: Что во время войны тут было, в Раздольном.

С: Тут тоже евреев расстреливали?

И: За 40 лет я только что по телевизору там было, у Бахчисарае там, там или что, ребята на ребят порезали там по... Я молода была тада, дети, трое детей учились, махину таку, вдвоем с дедом, даже никто гвоздик не вбил нам, вот это ж мы все, все соседи скажут. Я не интересовалась, это уже стало знаете когда вже детей замуж поженила, все, вот это стала уже общаться. А то мени некогда было. Я люблю чисто, у меня образцовый двор, всю жизнь...

С: Да, это мы заметили, у вас так хорошо!

И: Вон, уже вон такая доска с музыкой, Виктор Михайлович вручал, когда был председателем сельсовета, Степаненко, и Радивко был, и покойный, и этот покойный был, Кирин, все время вручали.

С: Как образцовому?

И: Музыка, вот, красноармейская, праздники. И как раз вот тут где Школьная, и коло Школьной, там такой стоит, и вручали мене. Покуда я пришла с праздника с этой грамотами, а уже подъехали, вот такая доска отут, на этому с той стороны на двори прибита, роза большая и образцовый двор, и дом, красивый-красивый!..

С: А вы сюда когда приехали, именно в Раздольное, кто тут жил? Что за люди?

И: Здесь, как мы приехали, вот это была только, хирургия начали строиться, была Вера Демьяновна, она была и фельдшер, и главврач, и зубной, и все. А где прачечна, было отделение вот это, женское, вот. И шо еще было. Ресторана не было. Это, универмага не было, ничо. А вот это наши улицы... аж до татарского этого городка, ничего не было, до самого комбикорма, это, все был пустыряк, и наши улицы, только была одна улица Ленина, и все.

С: А татары здесь жили, когда вы приехали?

И: Татары? Нет.

С: А кто жил?

И: Жили наши, россияны, украинцы, россияны, теперь, чувашаи жили, теперь, хто ишо жил с России... Ну, большинство наших тут. А еще когда в 50-е года, да, уже был, ой, и с Кожевниковой Валей и, главное, вербували сюда с Украины, с усех областей, тот давали уже, вот это ж нарезали планы, все, и вони строились и вот до этих пор, некоторые поумирали, некоторые дети пооставались, а мы приехали вот. Вот наша улица, от самого оросительных улицы не було, только Ленина, Калинина не було, вот эти две улицы нарезать стали, и мы приехали с ..., вот это стали строиться. Нам давал... хто же был председатель сельсовета, был Юдин, а райисполкома Кирин был.

С: Юдин, да, а кто это такой?

И: Умер, его Нина Ивановна, врачиха с эта, глазным была. А сейчас ее дочка забрала где-то там, в Севастополе или где вона сейчас там... Хто он еще, знаете, рассказал хто, вспомнила та... родилася... есть мужики, шо которые здесь женщины... не помню...

С: Может, тот дом показать, где Лариса была, где вот невестка Таня?